

«Мастер от революции» (Сталин-автобиограф)

Нам предстоит идти проторенной дорогой. Три книги Сталина — это трижды повторенная история. История та же. Жанры разные. Биография Ленина была не просто предисловием к биографии Сталина. Сталин-автобиограф — явление в своем роде исключительное.

Если государственная монополия на биографию Ленина, установленная в 1930-е годы, фактически сделала невозможной иную (не сталинскую) ее интерпретацию, то официальная монополия на биографию Сталина никогда, как известно, не устанавливалась. Пока жив был Сталин, его биография могла принадлежать *только*

ему самому. Поэтому у Сталина не могло быть биографа. Его биография могла быть только автобиографией. В то же время, она никогда в такую автобиографию превратиться не могла. Мы опять сталкиваемся с анонимностью текста, но на этот раз ситуация оказывается и более ясной (известно, что именно вписывал сам Сталин в свою биографию), и более сложной. Сложность эта жанровая.

Поскольку все три книги анонимны, можно заключить, что Сталин никогда не говорил о себе. Но поскольку перед нами именно сталинские тексты, ясно, что говорил он всегда только о себе. Биография Ленина — самый анонимный текст, но и самый прозрачный. Здесь Сталин мог говорить о себе в третьем лице без смущения. Дело в том, что он существовал в двух лицах: как частное лицо и как собственно Сталин. Это раздвоение личности не раз описывалось очевидцами. Известна, например, сцена его объяснения с сыном, слухи о лихих выходках которого будоражили в конце 1940-х годов всю Москву. Сталин грозно отчитывал Василия: «Ты позоришь имя Сталина! Ты думаешь, что ты Сталин? Может быть, ты думаешь, что я Сталин? Вот Сталин», — сказал он ему, указав на свой парадный портрет, украшавший кабинет вождя.

Подобная внутренняя раздвоенность наблюдалась и в публичных выступлениях Сталина. В его биографии приводится цитата из речи перед избирателями в декабре 1937 года: «Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина. Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом, перед рабочим классом, перед крестьянством, перед интеллигенцией».

Думать и говорить о себе в третьем лице стало не просто грамматической привычкой, но особенностью сталинского мышления. В романе «Солдатами не рождаются» Константина Симонова, есть примечательный пассаж: «у него было то, годами, тщательно, навсегда выработанное выражение лица, которое должно было быть в присутствии этих людей у товарища Сталина, как он уже давно мысленно, а иногда и вслух, в третьем лице, называл самого себя»¹⁰.

В своей разоблачительной речи на XX съезде Хрущев рассказывал, как Сталин вписал в свою собственную «Краткую биографию» следующий абзац: «Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал и тени самомнения, зазнайства, самолюбования»¹¹. Слишком политически острой была проблема, чтобы мог задуматься Хрущев, а с ним и последующие историки, над очевидным вопросом: может быть, дело действительно не в «зазнайстве»? Просто иначе нельзя «мастерски выполнять задачи вождя партии и народа»?

«Биография Сталина» — один из самых загадочных литературных и политических памятников советской эпохи. Несомненно, этот текст — настоящая находка для психоаналитика. Врачей Сталин, как известно, не жаловал, а потому занимался самотерапией. Нет сомнения в том, что этот текст Сталина является своего рода рационализацией его страхов. Текст этот, несомненно, параноидальный: авторский импульс прорывает грань всяких «приличий» (о достоверности речь уже не идет); художественная мера исчезает и похвальба достигает иногда совершенно гротескных форм, переходя в откровенную хлестаковщину. Потому-то текст и был анонимным: Сталин его подписать не мог, ибо, по собственному его утверждению, «не допускал и тени самомнения, зазнайства, самолюбования»; никто другой не мог быть достаточно авторитетным, чтобы поставить свое имя под сакральным текстом. Потому у биографии этой и нет автора, а есть только «составители» из Института Маркса-Энгельса-Ленина. Подобная ситуация создавала неограниченные возможности для реализации сталинской скромности.

Сталин был, несомненно, человеком травмированным. Травма была нанесена во время дележки власти. В момент, когда началась борьба за власть после Ленина, Сталин, по общему признанию, обладал наименьшим кредитом: он не был ни

оратором, ни теоретиком, он никак особенно не проявил себя ни до революции, ни во время ее, ни в годы гражданской войны. Именно отсюда — гипертрофия «заслуг» и то невероятное их нагромождение, над которыми смеялся Хрущев. Борьба за власть прошла, но Сталин так и не смог остановиться. Он дописывал свою биографию, выдумывая все новые и новые «факты», приписывая все более превосходные эпитеты, пока его биография не превратилась в пустую раму, которую он заполнял как угодно. Она превратилась в фабулу, пригодную для любого сюжета. Остались только «леса» — ссылки, побеги, участие в тех или иных событиях и т. д. Все остальное было придумано с поистине гоголевской фантазией.

Сталин, будучи плохим трибуном, несомненно, обладал стилем, но это был письменный стиль — «ораторский» стиль аппаратной риторики. В него и облек свои художественные фантазии. Своими книгами он компенсировал свое отсутствие на революционных трибунах. Парадоксальным образом, Сталин оказался единственным, кто в действительности осуществил эстетический проект революционного жизнотворчества. Не только в жизни, но и на бумаге. Ничего нового, кроме этой ярко своеобразной художественной стилистики, сталинские тексты не предлагают. Даже «самовосхваление» не было выдумкой Сталина. Открытия в этой области, несомненно, принадлежали главному его сопернику — Троцкому. В военных уставах ни одной цивилизованной армии мира нельзя было бы найти в то время того, что придумал Троцкий в 1922 году. В параграфе 41 политического Устава Красной Армии была помещена... его политическая биография, в которой Троцкий предстал героем, олицетворением революционной и военной доблести. Параграф заканчивался словами: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики»¹². Сталину оставалось только заменить имя, не меняя даже порядка слов.

Если биографию Ленина приходилось переписывать, то биографию Сталина нужно было писать. И тут мы согласимся со сталинской самооценкой: он «мастерски выполнил задачи вождя партии и народа». «Мастерски» — значило для Сталина много. «Мастерство» он ценил превыше всего (вспомним его телефонный разговор с Пастернаком о Мандельштаме: «Но ведь он мастер?!»). Поэтому, когда Сталин называет себя «мастером» («Под руководством Ленина я стал одним из мастеров от революции» (61)), отнестись к этому стоит со всей серьезностью. Он дал «партии и народу» — как настоящий их вождь — свой образ.

Если биография Ленина была хотя бы фабульно связана с реальными событиями, то в сталинской биографии связь эта истончается. Скажем, самое появление Сталина выводится не из факта рождения, но из игры исторических сил. Сталин — чистый продукт исторических закономерностей. Вначале сообщается, что «созданный и руководимый Лениным “Союз борьбы за освобождение рабочего класса” дал могучий толчок развитию социал-демократического движения по всей стране» (6), что «волны рабочего движения докатились и до Закавказья, куда уже проник капитализм» (6), что «развитие промышленного капитализма сопровождалось ростом рабочего движения» (7), что «в Закавказье началась пропаганда марксизма» (7). Затем «крупный план» сменяется изображением тифлисской православной семинарии, где учился Сталин. Оказывается, она «являлась тогда рассадником всякого рода освободительных идей среди молодежи, как народнически-националистических, так и марксистско-интернационалистических; она была полна различными тайными кружками» (7). И тут выясняется, что «господствовавший в семинарии иезуитский режим вызвал у Сталина бурный протест, питал и усиливал в нем революционные настроения. Пятнадцатилетний Сталин становится революционером» Развязка, как всегда, наступает стремительно.

Сталин настолько приподнят над реальностью, что даже упоминание каких-то биографических фактов становится излишним. Собственно, Сталин ничего само-

стоятельно не делает. Ленинская биография присутствует как своего рода предтекст. Он и проделывал на Кавказе буквально то же, что Ленин в столице: «соединил социализм с рабочим движением» на Кавказе, «точно так же, как это блестяще осуществилось за несколько лет перед этим петербургским “Союзом борьбы”, руководимым Лениным» (15); создал газету «Брдзола», которая «являлась лучшей после “Искры” марксистской газетой в России» (16).

Разумеется, так же, как и в Ленине, «царизм чувствовал, что в лице Сталина он имеет дело с крупнейшим революционным деятелем, и всячески стремился лишить Сталина возможности вести революционную работу» (43—44). Но если в биографии Ленина подобные оценки сопровождались какими-то фактами (значение которых было, конечно, сильно преувеличено), то в случае со Сталиным таких ссылок нет вовсе. Просто сообщается: «Не успевали царские опричники водворить Сталина на новое место ссылки, как он вновь бежит и снова на “воле” кует революционную энергию масс» (44). Как именно «кует»? Фантастической своей деятельностью, в результате которой Баку — «важнейший центр рабочего движения в России... превращается в цитадель большевизма» (44—46).

Причем его деятельность так же невероятно плодотворна, как и ленинская (как помним, Ленин за два месяца в Лондоне переработал чуть ли не всю библиотеку Британского музея). Эта экстенсивность производимой Сталиным работы отличается только тем, что Ленин пишет, а Сталин действует. К примеру, в Батуме за 4 месяца (с конца ноября 1901 года по начало марта 1902 года) Сталин «развертывает кипучую революционную работу: устанавливает связи с передовыми рабочими, создает социал-демократические кружки, лично ведет ряд кружков, налаживает нелегальную типографию, пишет пламенные листовки, печатает и распространяет их, руководит борьбой рабочих на заводах Ротшильда и Манташева, организует революционную пропаганду в деревне. Сталин создает в Батуме социал-демократическую организацию, основывает Батумский комитет РСДРП, руководит забастовками на заводах... Сталин неутомим: он систематически объезжает районы Закавказья (Батум, Чиатуры, Кутаис, Тифлис, Баку, крестьянские районы западной Грузии), укрепляет старые и создает новые партийные организации; он участвует в ожесточенных схватках с меньшевиками..., энергично защищает большевистские позиции...» (18—22). Ясно, что «батумские рабочие уже тогда называли его учителем рабочих» (18).

Последним штрихом к этой фантастической картине может служить описание деятельности Сталина в Петербурге: «6 сентября 1911 года товарищ Сталин нелегально выезжает из Вологды в Петербург. В Петербурге товарищ Сталин устанавливает связи с петербургской партийной организацией; направляет и организует борьбу против ликвидаторов — меньшевиков и троцкистов; спланирует и укрепляет большевистские организации Петербурга. 9 сентября 1911 года товарищ Сталин был арестован в Петербурге и сослан в Вологодскую губернию» (48—49). Если вычесть день приезда (7-е сентября) и день ареста (9-е сентября), получится, что вся эта титаническая работа была осуществлена за один (!) день.

После этого не стоит, конечно, удивляться сообщениям о том, что «Сталин был организатором и инициатором всех большевистских изданий на Кавказе» (23), или что редактируемая Сталиным газета «Пролетариатис Брдзола» «после ленинского Центрального Органа партии “Пролетарий” была самой лучшей и крупной большевистской газетой» (25). В ней «Сталин выступает как талантливый полемист, как крупнейшая литературная и теоретическая сила партии, политический вождь пролетариата, верный последователь Ленина» (25). Пассаж завершается вполне фантастически (как и начинался): «Ленин с восхищением отзывался о “Пролетариатис Брдзола”, ее марксистской выдержанности, превосходных литературных качествах» (25). Все это Ленин делал, не владея грузинским языком...

Перед нами, конечно, обман. Но эта традиционная констатация несколько не

продвигает нас в понимании природы сталинского повествования. Ложь здесь настолько очевидна, что кажется, будто рассказчик зарапоровался. Между тем, рассказчик в полном здравии. Эта хлестаковщина вовсе не после «плотного обеда» в богоугодных заведениях Земляники. Сталин лжет вдохновенно. И потому — не лжет вовсе. Иной биографии у вождя быть попросту не может. Перед нами именно художественный текст, подходить к которому с точки зрения правды или вымысла бесполезно. Точно так же, как бесполезно знание о том, кто именно написал «Юрия Милославского» — Загоскин или Хлестаков. В ситуации, сложившейся в гостининой горюдничего, начитанность лишь подводит Марию Антоновну...

Только имея в виду этот аспект дела, можно понять излюбленный сталинский рассказ о гражданской войне. Она была одной из главных сталинских травм: это был звездный час главного его соперника — Троцкого, время унижений и провалов Сталина. Поэтому информация, обрушиваемая на читателя приобретает лавинообразный характер: «Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Сталин руководил решающими боевыми операциями. Под Царицыным и под Пермью, под Петроградом и против Деникина, на западе против панской Польши и на юге против Врангеля — всюду железная воля и стратегический гений Сталина обеспечивали победу революции. Сталин был воспитателем и руководителем военных комиссаров, без которых, по определению Ленина, не было бы Красной Армии. С именем Сталина связаны самые славные победы нашей Красной Армии» (83). Но и этого оказывается Сталину мало («Веребочка? Давай сюда и веревочку...»): «Сталинские указания лежали в основе оперативного плана Фрунзе, по которому был разгромлен Врангель» (80)...